

БЛАГО

Посвящается П.К.

Действующие лица:

Алексей
Соня, его бывшая жена
Егор, их сын
Девушка в окне
Лариса Борисовна
Нянечка
Обитатели дома престарелых
Гуру
Мальчик Августин
Бомж
Цыганка
Продавщица
Прихожанка
Отец Федор

Пролог

Пустой тихий двор-колодец. Сумерки. Халва из грязного снега. Яркое освещенное окно четвертого этажа открыто нараспашку, виднеются углы кухонных шкафов. На подоконнике сидит девушка, ноги спустила на улицу. В одних трусах и бесформенной блузке. Курит. По двору волочится темная фигура в куртке с поднятым капюшоном. Мех, как у ежа иголки, в разные стороны торчит.

Девушка (по-пьяному громко). Мужчина! Эй! Вы слышите? Мужчина!

Фигура замедляет шаг, но не останавливается.

Вы что, не мужчина? Почему Вы не останавливаетесь?

Алексей поднимает голову. На его неожиданно немолодое лицо падает свет с кухни.

Алексей. Ну, мужчина! Что мне теперь, застрелиться?

Девушка. Почему Вы не говорите, что я простужусь?

Алексей. Мне наплевать.

Девушка. Вы так только с пьяными разговариваете? А я совсем не пьяная!

Алексей. Я со всеми так разговариваю. (Собирается уходить.)

Девушка. Посмотрите на меня! У меня рубашка, как у маленького Обломова!

Алексей. Женщина, я не понимаю! Что за навяз? Что Вам надо?

Девушка. Вы думаете, я пристаю? Я же на четыре этажа выше, я даже рукой до Вас не дотянусь. Как же можно без рук приставать?

Алексей. Ничего нового Вы мне не скажите.

Девушка. (со смехом) Вам надо новое? У человека ДНК наполовину как у банана! Новое? И мы информацию об этом ДНК в космос посылаем. И ждем, что нам ответят. А инопланетяшки это все читают и молчат. А чего им говорить? Ничего нового!

Алексей. Вы что ли посылаете?

Девушка. Нет, не я. А что?

Алексей. Если б Вы, я попросил бы этого больше не делать.

Девушка. Почему?

Алексей. Зачем им знать, что мы как банан? Пошлите им ДНК таракана! Пусть думают, мы бессмертны!

Девушка. Так они, может, не хотят нападать...

Алексей опускает голову и идет дальше.

Стойте! Мужчина! Вы же только разговорились. Стой...

Алексей оборачивается и видит, как девушка без крика летит с четвертого этажа. Падает на металлическую крышку подвала и кусты, зависает на них за полметра от земли. Он подбегает к освещенным окнам первого этажа, бьет кулаком в стекло.

Алексей (*громко*). Помогите! Человек упал! Помогите! (*свет тут же гаснет, он бежит к следующему окну*) Помогите! Здесь лежит человек!

Бабка. Ты че орешь как оголтелый?

Алексей (*оглядывается*). Там женщина упала с четвертого этажа!

Бабка. Мертвая?

Алексей. Я не знаю. Она на кустах повисла.

Бабка. Так сымай!

Алексей. Нельзя. Вдруг я ей что нарушу – умрет, а я потом виноват... Пойдемте покажу.

Бабка. Нет уж, сам. Я пошла. Тороплюсь (*поспешно уходит*).

Алексей (*вслед*). Сволочь. (*Возвращается к кустам. Девушка уже лежит на земле, без движения, на боку.*) Женщина?..

Трогает ее носом ботинка за плечо. Тело переворачивается на живот. Алексей еще несколько секунд зачем-то внимательно рассматривает босую пятку на снегу и неловко изогнутую руку с зажатой между пальцами потухшей сигаретой.

Черт! Черт!.. Чтоб тебя... Зараза...

Быстро убегает.

Явление 1

Алексей стоит на остановке рядом с макдаком. Во всю ширину этажа, поверх окон, натянут баннер с огромным лицом маленькой девочки. Матовая от пыли сетчатая ткань полощется на ветру и кажется, что рот и глаза девочки то закрываются, то вдруг судорожно распахиваются в отвратительной гримасе.

Надпись на баннере: «Купи большую «Колу» и картофель фри! Два рубля с твоей покупки будут зачислены в фонд поддержки Лизы Ляхиной. Купи большую «Колу» и картофель фри! Помоги Лизе начать ходить».

Под баннером сидит цыганка с крупным, наверное, пятилетним ребенком. Ребенок завернут в цветастый плед бревнышком, как грудной. Спит.

Алексей смотрит сквозь надпись. Ярко горит свет. Человеческие тени пьют, едят и разговаривают, целуются.

Подходит его автобус, полный таких же теней в окнах. Алексей надевает варежку и, брезгливо придерживаясь за поручень, поднимается внутрь.

Явление 2

Тот же вечер. Узкий коридор прихожей. Голая лампочка под потолком слепила бы всех, но слепить некого. Алексей здесь один и голову вверх не поднимает. На полу в пластмассовом тазике моет ботинки. Звонит телефон. Алексей морщится, нехотя снимает с рук резиновые перчатки и берет трубку.

Соня. Алеша?

Алексей (*хмуро*). Нет, это кот.

Соня. Алеша, я же знаю, что кот умер.

Алексей. А это новый кот, с биркой еще. Бирка лапу отдала, трубку держать мешает.

Соня. Ты никогда не заведешь нового. Я тебя знаю.

Алексей. А я тебя нет.

Соня. Ну что ты кривляешься опять? Я с кладбища.

Алексей. Мы все, Соня, оттуда... И одновременно туда. Кто?

Соня. Никого. Я ходила к своим. И к маме твоей зашла. Алеша, это невозможно. Ты там когда в последний раз был?

Алексей. Я слушаю тебя.

Соня. Там соседи заборчик устанавливали своим и весь лишний мусор на ее могилку скидали. Потому что она даже на могилу-то не похожа. Алеша! Там крест упал! Я сначала подумала, сатанисты какие-нибудь баловались... У меня с собой ни лопатки, ни совка. Я только щетку брала. Я этой щеткой снег разгребла. Всю спину себе изломала. Смотрю, а крест-то под снегом прямо вдоль, на могилке-то нашей Анны Брониславны и лежит. А куст?! Помнишь, ты сажал шиповник, потому что она любила напиток из шиповника? Он так разросся, что его и от мусора соседского не отличить... Ужас?

Алексей. Ну.

Соня (энергично). Ты, Алеша, как хочешь, но я тут подсчитала. Я могу и сама, у меня есть накопления. Я поставлю твоей маме нормальный человеческий памятник. Это, конечно, дорого сейчас ужасно. На старую могилу еще дороже, чем на свежую. Все ж у них, у паразитов, посчитано. За любое движение копейка. Но без лавочки подешевле. Я думаю, зачем нам лавочка? Ты туда не ходишь, я редко, Егорку нашего не заставишь. Я считаю, что это мой долг. Потому что она меня, конечно, больше любила... Ой, да ладно.

Алексей. Да говори-говори! Больше, чем меня?! Да не уж-то? Какие новости! Надо было ей на тебе жениться, а не мне!

Соня. Перестань, пожалуйста, меня попрекать. Никакого смысла уже.

Алексей. А смысла, Соня, сроду не было! Я когда в первый класс пошел, учительница всем родителям бумажки раздавала. Надо было написать, чем ваш ребенок особенный. Ну там, у кого диабет или зрение плохое. Шнурки завязывать не умеет или дерется. Так знаешь, что она написала? Она написала: «У меня самый обычный ребенок. Ничего особенного». Ты понимаешь? Ничего во мне особенного для родной матери. Так какой с меня спрос?

Соня. Я это сто раз уже слышала. И к чему ты это сейчас? Жизнь уже прошла.

Алексей (почти кричит). Потому что не надо от меня добра тут или слез умиления ждать! Я дам тебе денег! Поняла? Дам!

Соня. А я, Алеша, и не сомневаюсь, что дашь. Я не про то. Что ты завелся? Успокойся, пожалуйста. Без добра добра не будет, миленький. Ты вот все экспериментируешь. Думаешь, вопреки получится, а не благодаря. Так жизнь уж на этот эксперимент потрачена. Ответ есть. Он отрицательный. Так можно новый начать. Или тебе надо, чтобы свыше на тебя знак какой упал?

Алексей кладет трубку и продолжает чистить ботинки, уже без перчаток, но теперь гораздо усерднее.

Явление 3

Раннее утро. Та же остановка. Цыганка с ребенком на прежнем месте. Алексей зябко переминается с ноги на ногу. Не знает, куда положить взгляд. У зеркальной стенки киоска стоит бомж, в руках маленькие маникюрные ножницы. Подстригает усы, смотрит на свое отражение, доволен. Оглядывается на цыганку, которая тоже волчьим немигающим взглядом наблюдает за бомжем.

Бомж. Интересно?

Цыганка. Джа датцир! Умри.

Бомж. Всенепременно.

Подходит автобус. Алексей садится спиной к окну.

Явление 4

Обычный офис, весь заставленный разнокалиберными коробками. На стене огромные золотые буквы – П У Т Ь С П А С Е Н И Я, чуть ниже «Добрые дела без черных схем». За столом сидит полная женщина с глазами Клеопатры в костюме Снегурочки

нараспашку. Перед ней шапка с пришитыми двумя белыми косами, свисающими со стола. Входят Соня и Алексей.

Соня (неожиданно звонким голосом). Здравсьте, Ларисочка Борисовна! Вот мужа бывшего привела. Нам очень нужно кому-то помочь, а я же знаю, что Вы по этим делам. Организуйте нам, пожалуйста, побыстренько, а то, я боюсь, он передумает.

Алексей с интересом смотрит на Соню.

Лариса Борисовна. Мужик – это хорошо. Мужик в любом хозяйстве пригодится. Тем более бывший, он старательней. У нас же сейчас как раз рейд по стардомам.

Алексей. Каким домам?

Лариса Борисовна. Домам престарелых. Это чтоб говорить быстрее – детдом, стардом, а то за день наповторяешься... язык не казенный. (Соне) Ты подарки принесла?

Соня. Конечно-конечно, Ларисочка Борисовна. Вот, пять штук. Сколько уж смогла, правда соседка еще обещала, я позже донесу. Вы же как обычно собираете? У метро? В субботу?

Лариса Борисовна. Нет-нет! Ты туда не ходи. Там «Добро без границ» собирает теперь. Сместили нас. Сволочи. Вот я ругалась! Нет, отобрали место. Они тоже на стардома собирают. Удобно устроились, у нас уже везде объявления прошли, теперь им несут все и думают, что нам.

Алексей. А какая разница?

Лариса Борисовна. Сякая.

Соня достает из пакета и выкладывает на стол пять аккуратно завернутых коробочек с бантами.

Софа, ну ты опять все замуровала! Сколько можно повторять...

Достает ножницы и резак, ловко очищает коробки от праздника, вскрывает их.

Алексей. Да что Вы делаете?!

Лариса Борисовна. Спокойно! Я сортирую. (Вынимает содержимое Сониных коробок и раскидывает его по своим коробкам, большим.) Так... Полотенца сюда, мыло вот... Софа, куда ты тут елочные игрушки-то опять понапихала?

Соня. Так я думала, подарок-то новогодний, чтоб радость...

Алексей. В феврале?

Лариса Борисовна (Алексею). Мы перед Новым годом не успеваем все стардома охватить, поэтому до Восьмого марта елки проводим по очереди, по списку. На следующий год список переворачиваем, чтоб последним не обидно... Софа, но им же только под Новый год подарки делают, у них этих елочных... Так. Конфеты... Где ж это... коробка для работников.

Соня. (неуверенно) Я хотела, чтоб конфеты... ну этим... бабушкам и дедушкам в доме, а не работникам. А то в прошлый раз работники...

Лариса Борисовна (перебивает). Ну че началось-то опять? Ты вон шоколадных набрала! Про что вообще думала? Шоколадные же сразу нянечки отберут. Какой смысл их бабкам в руки давать?

Чтобы мы ушли, а у них отбирать начали? Лучше сразу работникам, типа в благодарность. Пусть лучше бабки вообще не знают, что конфеты были, чем потом расстраиваться.

Соня. А леденцы?

Лариса Борисовна. Ну ладно. Леденцы я распакую и по несколько конфет в каждый подарок суну. Ок? По конфете уж поди не заберут... А это у тебя че? Шаль?

Соня. Шерстяная.

Лариса Борисовна. Ну чокнуться... Куда мне ее теперь? Ты прикинь! Они живут в одной комнате, кому-то мыло, а кому-то шаль. Да они до конца дней разговаривать с друг другом не будут...

Ладно. (Кидает развернутую шаль на свой стул.) Разберемся.

Алексей. Как разберемся, интересно знать?

Лариса Борисовна. На сортировку соберемся и подумаем куда распределить. Софа, ну куда ты тут мягких-то медведей приперла? Их даже детдом не берет уже. Ими только печки топить... Бесишь.

Алексей. Это Вы бесите.

Соня. Алеша!

Лариса Борисовна. Че?

Алексей. Зачем Вы вообще этим занимаетесь? Люди тут свои зработанные жертвуют, по доброй воле, а Вы их раздаете воровкам всяким...

Лариса Борисовна. Гляди! Конфеты пожалел...

Соня. Алеша, перестань!

Алексей. Да какого черта ты вообще терпишь-то? Вы бы радовались, что к Вам вообще люди ходят!

Лариса Борисовна. Ты мне тут не хаами! Я на этом деле стаю собак уже съела! И не одну! Знаю, как дела делаются!

Алексей. *(зло)* Разве так кто про доброе дело скажет – дела делаются...

Лариса Борисовна. Ты думаешь, я нажилась на всем этом сильно? Ты с проверкой тут ко мне пришел?! На вот, проверь!

Она хватает со стола коробку и переворачивает к ногам Алексея.

На пол падают рваные, штопанные, совершенно не пригодные для носки варежки, носки. Герань, прихватки, старые будильники...

Алексей. Что это? Вам такой хлам приносят?

Лариса Борисовна. Это мы сами покупаем.

Алексей. Зачем?

Лариса Борисовна. Чтобы купить. Видел, бабки на остановках, в переходах всякую старую дрянь продают по две копейки? Это им просить стыдно, вот они и продают все что есть. Вроде не милостыня. Так вот мы покупаем. Если что-то годное, то передаем в стардома, таким же бабкам. Вроде круговорот, безотходное производство. А то, что совсем никуда, в коробки покуем. Накопится – раздаем. В подъездах на подоконниках оставляем. Кто-то всегда подбирает. Видно, нищий совсем... Герань надо тебе? Смотри, Софа, зацветет скоро. Берите. Горшок не битый. А то загубится, в коробке-то.

Соня. Спасибо. Спасибо, Лариса Борисовна. Алеша возьмет. У него как раз кот умер. Вместо кота будет.

Явление 5

Дом престарелых. Женская комната на троих. На серые стены падает из больших окон яркое солнце. В воздухе стоит сладкий и сухой запах несвежего белья. Входят Алексей в костюме Деда Мороза с большим мешком и нянечка, женщина средних лет в черном бязевом халате.

Алексей. *(по-отрепетированному бодро)* Здравствуйте! Здравствуйте, дорогие друзья!

На кроватях активно зашевелились и подняли головы в его сторону две старушки, бормочут: «Здравствуй, миленький, здравствуй». Распрямылся бородастый старичок, сидящий в вязаной шапке на стуле в углу, кивнул.

Посмотрите, кто к вам пришел! Это я, Дедушка Мороз. Не удивляйтесь, что так нескоро после Нового года! Я особенный Дед Мороз, ведь я принес вам весну! Поглядите за окно! Какое сегодня солнце яркое! Поглядите скорей!

Все оборачивают лица к окну.

Нянечка *(шепотом)*. Мужчина, не говори, пожалуйста, так. Они слепые тут все.

Алексей *(шепотом)*. А куда ж они смотрят?

Нянечка *(шепотом)*. Ты ж сам велел...

Алексей. Я подарки вам принес! *(достает из мешка совершенно одинаковые коробки с надписями «Путь спасения» и раздает по тумбочкам)*. Разворачивайте скорее, давайте я вам помогу.

Нянечка. Побегу.

Алексей. Подождите.

Нянечка. Сам-сам. Не бойсь, тут все в уме. *(Уходит.)*

Алексей *(присаживается на стул у крайней постели)*. Здравствуйте, давайте познакомимся.

Женщина 1. Баба Аня.

Женщина 2. А я Маша.

Все дружно смеются.

Баба Аня. Ты, Маша, полвека уж не Маша.

Маша. Ну и что... Он же запоминать не будет, а мне приятно, что меня кто-то еще хоть раз Машей назовет.

Алексей. Конечно, пусть будет Маша. А Вы (*обращается к бородатому старичку на стуле*) в гости пришли сюда?

Старичок. Почему в гости?

Алексей. Здесь же женская комната. Вы, наверное, в мужском крыле живете?

Старичок. Я женщина.

Маша (*смеется*). Да ты не думай... Это Татьяна Матвеевна. Так бывает. Раз в месяц бритые, вот и пообрастала. А штаны она старые мужнины носит. Скучает.

Алексей. Простите, ради Бога.

Татьяна Матвеевна. Ладно.

Маша. Ты очень смелый Дед Мороз. К нам на четвертый этаж никто не подымается. Тут же неходячие только. С неходячими и говорить-то не о чем. Мы на улице не бываем, в карты не играем. Дальше нас только пятый.

Алексей. А кто на пятом?

Татьяна Матвеевна. Из ума выжившие. Но к ним чаще ходят. Практикантов туда много.

Маша. (*весело*) Молодые-то любят теперь сумасшедших изучать. Там только самоубивец человек десять. И тоже молодые все, даже пятидесяти никому, говорят, нет. Много их, девать некуда, вот к нам возить стали.

Алексей. (*сбивчиво*) Понятно. Только молодые своей жизни не жалеют, а старые-то цену знают, не станут с собой кончать...

Татьяна Матвеевна. Ты, значит, сам еще молодой. Немолодой так не скажет.

Маша. Это вообще мечта моя. Чтоб был пункт приема жизни. Как крови. Кому не надо жить, надоело, пришел и сдал свою жизнь, а ее тому, кто от болезни какой умирает, перенаправили.

Женщины опять дружно смеются. Алексей ежится.

Алексей. Баба Аня, а что же Вы молчите и подарок не разворачиваете?.. У меня маму зовут Анна.

Маша. Вы, наверное, ее тоже баба Аня зовете? Для детей. Ее вот тоже сын баба Аня зовет, чтобы внуки запомнили.

Алексей. Есть сын?

Маша. Да-да! А чего ты думал, что мы сироты все? Нет, мы слепые просто. Слепых часто дети сдают, нам вместе-то всем сподручнее. Это не обидно. Ты не думай.

Татьяна Матвеевна. Ты ври да не завирайся, Маша. Кому-то и обидно бывает, кто-то ревом ревет.

Баба Аня. Я не реву.

Маша. И молодец! И хорошо!

Баба Аня. Если б не это (*она сдергивает со своих ног одеяло и Алексей видит глухие карандаши старушечьих ног, без ступней*), я б и без глаз могла! Сын не виноватый! Ему жить!

Маша (*присаживается, нашаривает руку бабы Ани*). Тише, тише, Аня. Ты же так всего Деда Мороза запугаешь.

Баба Аня (*прикрывается*). Прости, прости, мальчик, я забыла, что ты здесь.

Алексей. Что Вы... Все в порядке. Вы простите... Давайте подарки откроем?

Все разворачивают подарки, которые снаружи одинаковые, а начинены, оказалось, разным. Маше достается среди прочего книга.

Маша. Книжка!

Алексей вздрагивает. Бежит к Маше, пытается выдернуть из ее рук книгу.

Алексей. Простите! Простите нас, пожалуйста! Я сейчас заменю.

Маша. Подожди! Отдай! Отдай! Дай я ее потрогаю! Дай понюхаю. Новая! Я чувствую, новая. Как она называется?

Алексей. Даниэль Дефо. «Робинзон Крузо».

Татьяна Матвеевна. (*неожиданно быстро*) Какая хорошая! Я читала! Дай потрогать! (*Маша передает книгу*) В твердой обложке! А вот здесь страницы скользкие! Здесь картинки?

Алексей. Да.

Татьяна Матвеевна. Черно-белые? Цветные? Что там?

Алексей. Черно-белые. Наверное, пером и тушью. Робинзон толкает лодку, на нем меховая шапка.

Татьяна Матвеевна. Черно-белые... как в той моей книжке! Те самые. Это оригинальные! Они в старых книжках есть!

Маша. А это новая! Еще лучше! Она пахнет!

Татьяна Матвеевна. А там есть картинка, где Робинзон штопает шкуру, а напротив него сидит собака и смотрит ему в самые глаза?

Алексей (*листает, находит, протягивает Татьяне Матвеевне*). Есть, вот здесь.

Татьяна Матвеевна с жадностью хватается за книгу, водит руками по картинке, целует ее.

Татьяна Матвеевна. Это моя любимая была. Я даже раскрасила цветным карандашом собаку. И переводила ее через копирку всему двору, много-много раз. Какая чудесная книга!

Баба Аня. Дай мне.

Алексей подносит книгу. Баба Аня обнимает ее.

Спасибо тебе, Дед Мороз. Спасибо... Это ж нам лучший подарок. Потому что ты с нами как с людьми, как с нормальными...

Маша. Я ж с рождения слепая. Со мной всегда говорят так, как будто и воздухом другим дышу, и думаю на каком-то другом языке. Один раз только по-другому вышло... Как-то по переписке познакомилась с парнем, договорились встретиться, а я и не говорила, что слепая. Боялась, откажется. Он, наверное, испугался, но виду не подавал. Весь день мы прогуляли, а потому куда деваться. Он меня в кино позвал. Там ведь темно и никто не видит, что я слепая. Фильм попался какой-то простой, веселый. Я все понимала, а что нет, он мне объяснял. И замечания никто нам не делал. Только в самом в конце мужчина сзади сказал: «Какой у вас, девушка, жених заботливый. Все нам рассказал, что непонятно». Я такая была счастливая, что жених, как у всех, и что фильм посмотрела, как все. Без скидок всяких.

Татьяна Матвеевна. Да-да... Спасибо тебе, мальчик. Дай Бог тебе. Ты не переживай, что мы прочитать не можем. Я ее почти наизусть знаю. Мы будем страницы переворачивать, а я рассказывать. Спасибо!

Алексей, пошатываясь, выходит из комнаты в коридор, расстегивает шубу, хватается ртом свежий воздух. Видит на полу сорванную и смятую бумажку-упаковку с золотыми буквами «Путь спасения». Поднимает глаза. На кушетке сидит нянечка и с жадностью ест маленький батончик «Милки Вэй». От его взгляда она замирает.

Нянечка. Простите меня! Простите!

Алексей. Зачем вы подарок-то вскрыли? Мы же вам отдельно принесли, в коробках...

Нянечка. (*в слезах*) Да-да. Но понимаете, их потом после работы распределять будут. После работы мне что достанется, я все детям уношу. Домой. Не могу сама съесть. А тут упаковка прорвалась и он торчал сбоку. Я ни разу его не пробовала! Ни разу. Я не удержалась. Простите меня!

Явление 6

Большой несколько заброшенный парк, почти лес. Каменные скамейки всегда как новые.

Последний февральский морозец. Алексей снимает с шеи шарф, стелет для тепла на скамейку. Ждет. Втягивает голую шею в плечи, как черепаха. К нему выходит высокий анорексичный молодой человек в черном пальто почти до земли и капюшоне от толстовки, надетом вместо шапки.

Алексей (*весело*). Егорка, ты как смерть!

Егор. (*голосом смертельно больного*) Я всю зиму так проходил.

Алексей. Ну да, мы ж с тобой последний раз в октябре виделись?

Егор. Июле.

Алексей. А... ну да. На Сонин день рождения. Как мама?

Егор. Я ж в общаге полгода. Вы вроде чаще видите.

Алексей. Чего вырядился-то так шикарно мистически?

Егор. Благолепно.

Алексей. Чего?

Егор. Это тога небесами посланная.

Алексей. Заговорил... Да Бог с тобой. *(Шукает ткань рукава.)* Вроде теплое. Сидит надежно, как все заимствованное. Не жарко сегодня... Может, пойдём куда-нибудь, посидим? Зачем ты меня в эту глушь приволок?

Егор. Дело есть. Надо здесь. Здесь астральный план.

Алексей. Какой у тебя план?

Егор. Вакуум здесь физический. Пошли?

Алексей. Ну, пошли, коль не шутишь.

Они поднимаются. Егор ведет отца в чащу парка.

Егор. Ты впервые, насколько я помню, поинтересовался, чем я дышу.

Алексей. Ну, уж не впервые. Не перегибай.

Егор. Если тебе и правда интересно...

Алексей. Мне интересно!

Егор. Хорошо. Ты слышал об энергетических пирамидах? Их строят с девяностых годов.

Алексей. Мавроди?

Егор *(улыбается)*. Да нет. Это конусы для концентрации энергии. Их тогда даже проверяли в Академии химзащиты. Рассматривали пирамиду с военных аэродромов, и локатор зафиксировал от нее ионный столб, высотой несколько километров. И в зоне этого столба выживаемость всего, любой клеточной ткани, человека или кошки, в разы увеличивается. Особенно в критических случаях. А еще проводили опыт: оставляли на несколько дней в пирамидах соль, потом с ней готовили еду для зеков. Нарушение режима почти на ноль свели. Чем больше пирамида, тем выше от нее столб. То есть при желании можно весь город покрыть.

Алексей. Чем?

Егор. Добром.

Алексей. Она какие-то флюиды что ли испускает и все начинают целоваться?

Егор. Нет, пирамида меняет структуру пространства, выпрямляет его. Зло – это искривление. Добро – прямота.

Они выходят на поляну, посреди которой стоит огромная, сколоченная, кажется, из фанеры пирамида. Рядом стол. Ценники, бутылки с водой, монеты на шнурках, пучки сухой травы, перевязанной лентами и прочее барахло. Табличка «Вся продукция заряжена в пирамиде в течение трех суток или изготовлена прямо в ней. Руками до покупки не трогать».

Алексей. Бред какой.

Егор. Залезай, я тебя с гуру познакомлю.

Алексей. Этого еще не хватало.

Егор. Либо ты идешь со мной, либо я иду без тебя.

Они заходят в пирамиду, на дне которой постелен надувной матрац, а у купола горят несколько карманных фонариков. В центре на яркой подушке, прикупленной по случаю в фэн-шуйском магазинчике, сидит в позе лотоса такой же молодой, как Егор, парень, больше похожий на индийского жигало, чем на шамана. Сидеть ему неудобно, но за все время разговора он ни разу не пошевелится.

Егор. Гуру, это мой папа.

Гуру. Знаю.

Егор. Проведи для него сеанс. Ему это очень нужно.

Алексей. С какой стати все стали решать, что мне нужно?

Гуру. Успокойтесь. Я вижу, что Вы рассыпаны на вихри.

Алексей. Чего?

Гуру. Вы убили кого-то? Или стали причиной смерти? Совсем недавно?

Егор *(укоризненно)*. Гуру!

Алексей. Нет, Егор. Пусть говорит. Я послушаю.

Гуру. Вам говорить.

Алексей. А что тебе надо? Дату и время рождения?

Гуру. Никогда никому не говорите этих цифр. Время – это Ваш внутренний шифр. Вы – замок, а время и дата – ключ.

Алексей. Так...

Гуру. Что интересует Вас, папа Егора?

Алексей. Кто ты такой?

Гуру. Я имею практическую связь с гималайскими шаманами, я целое лето был учеником верховного шамана Тувы.

Алексей. Документы есть?

Гуру (*спокойно*). Есть.

Он достает из сумки, лежащей рядом, дипломы в застекленных рамках.

Алексей машет рукой, не хочет смотреть.

Алексей. (*подчеркнуто небрежно*) Ладно. Скажи мне вот что... Я хочу... добра. А его нет. Куда за ним пойти?

Гуру. Объясняю сразу...

Егор. Как можно проще! До семантического примитива.

Гуру. Есть три мира. Верхний – мир идей, Шивы и Брахмы, мир духовности. Средний – мир людей и их забот. И нижний – самый тонкий, иллюзорный. То, что мы воспринимаем в сновидениях наших. Я – духовное лицо и коммуницирую в основном с верхним миром, духовным. Могу со средним. Если надо.

Егор (*кивает*). Может, может.

Гуру. Но на Ваш вопрос ответить не могу. Он идет из нижнего мира и касается тонкой материи сна. А сон наш – стремление наше. Вот и все.

Алексей. Не понял.

Егор. Я же говорил...

Алексей. То есть ты мне даже не можешь сказать, будет благо вообще, в принципе, или нет?!

Гуру. Блага не будет, потому что мы вышли из эпохи Рыб, связанной с культом. С любым, личностным и христианским.

Алексей. Конец света будет?

Гуру. Нет, наступил конец двухтысячной эпохи. Просто идет новая эпоха Водолея.

Алексей. У меня горло заболело.

Егор. Просто мы в пирамиде. Активная замена энергий, когда распадаются одни и формируются другие, всегда сопровождается першением в горле.

Гуру. Просто Вы – зло, а пирамида излучает добро. Идет борьба. Все нормально.

Алексей. Просто мы сидим на земле зимой. Все, поиграли и хватит. А то я в вашей песочнице ревматизм заработаю.

Алексей выходит из пирамиды, за ним бежит Егор.

Егор. Папа!

Алексей. Ты че? Ты в секте?! Ты сдурел? Говори мне быстро!

Егор. Нет.

Алексей. Что «нет», Егор? Нет, ты не сдурел? Нет, ты в секте? Как в универе у тебя? Почему ты по парку шатаешься в костюме смерти и сидишь в фанерной палатке с наркоманами?

Егор. Папа, он не наркоман. Это мой однокурсник. Мы вместе открыли бизнес.

Алексей. Какой еще бизнес? Заряженную воду в бутылках сумасшедшим бабкам продавать?

Егор. Нет! Это настоящее дело! Ты ни черта не понимаешь! Мы даже на мастер-классы по организации бизнеса ходили! Нужно делать собственный культ, чтобы через пятьдесят, сто, двести лет к моей могиле съезжались! Нужно создавать свою церковь!

Алексей. Егор, ты совсем...

Егор. Нет! Нет и нет! Это нужно срочно и сейчас! Пока война и кризис, пока все мечутся и скупают телевизоры. Надо веру, когда некуда деться.

Алексей. Так ведь есть вера уже...

Егор. Какая вера, папа?! Во что? В попов этих за стеклами тонированными? Они себе репутацию испортили окончательно, их уже никакой ребрендинг не спасет!

Алексей. А ты, значит, сам во все это не веришь? В пирамиды эти?

Егор. Я не верю. Но это на дело не влияет.

Алексей. А людей обманывать хочешь?

Егор. При чем тут обманывать? Кто они мне такие? При чем тут вообще отношения? Когда у тебя желание послушать музыку, что ты делаешь? Ты покупаешь билет и идешь на концерт. Ты покупаешь нематериальное, воздух, музыку, свою эмоцию! И у тебя нет вопросов. Ты оплатил труд музыкантов, услугу. У людей есть желание во что-то поверить. Мы готовы для них это

организовать. Не маги со страницы с объявлениями, а мы – нормальные люди, с научным подходом. Но пусть оплатят наш труд. Это какие тыщи можно поднять! Главное только с попами из РПЦ делиться, чтобы они Следственный Комитет не натравили.

Алексей. Егор, ты меня огорчаешь.

Егор. Да скажите, пожалуйста! Он заботливого папашу включил! Раньше-то где был? Не поздно ли? Выросло дитяtko. Не сбрендило, как видишь. Голова соображает!

Алексей. Зачем ты мне это рассказал?

Егор. Нам нужен начальный капитал для строительства настоящей пирамиды. Мы и так охране парка отстегиваем.

Алексей. Конечно... а я, дурак, не догадался зачем ты со мной встретился.

Егор. Нет, ты не думай! Я твоих денег после развода никогда не брал и не буду. Мне нужно оформить кредит, но там справку о доходах требуют. У меня нет такой официальной. Я сам все буду платить, мы уже зарабатываем. Но кредит мне нужно взять на твое имя. Маму я не хочу впутывать, она не поймет. От тебя ничего, кроме справки, не нужно... Что молчишь? Ты согласен?

Алексей (после паузы). Нет.

Егор. Не веришь. Думаешь, я на тебя кредит повешу. Я ведь мог тебе соврать, что мне надо на учебу или поездку. А я ступил, правду сказал.

Алексей. Я тебе верю. Но кредит тебе взять не дам.

Егор. Все! Спасибо за внимание! Очень мило! Повидались! Теперь ты еще на полгода свободен!

Алексей. И тебе спасибо. Надо будет на что другое – звони.

Егор. Не надо!

Алексей. Ты померзнешь тут еще, а летом в речке искупаешься, и вся чушь у тебя из головы вымоется. Помянешь мои слова. Это у тебя, Егорка, авитаминоз после зимы.

Егор разворачивается и уходит. Алексей делает пару шагов за сыном, но останавливается.

Явление 7

Большая церковь. Крестный ход. Алексей проходит мимо, но останавливается, чтобы понаблюдать. Дети и взрослые несут иконы, изредка переговариваются. Из толпы выделяется благочестивого вида старичок со свечой. Сначала он замедляет шаг, а потом и вовсе встает, пропуская вперед идущих.

Старичок. Ну, и хватит с меня сегодня.

Дует на свечку, аккуратно кладет ее в карман, собирается уйти прочь, но замечает Алексея.

Смотри. Смотри, мне не жаль. С меня не убудет.

Идущая за старичком бабка останавливает на Алексея взгляд.

Бабка. (благостно) Икону хочешь в аренду? У Вадимыча новых нет, а у меня вот – первый раз ношенные. Освященные. Бери, бери. Я тут подожду.

Старичок. С ним иди. А то наберет, потом концов не найти.

Бабка. Ты че? Людям доверять надо. Бери, походи. Я подожду. Тебе, видать, сильно надо.

Она протягивает Алексею на выбор несколько распечатанных на цветном принтере икон в позолоченных пластмассовых рамках.

Алексей. Нет, спасибо. Мне не надо.

Все продолжают путь в разные стороны.

Явление 8

Алексей уже давно стоит у гардероба в планетарии, рассматривает свои ботинки. Пол чище. К нему подходит крупный мальчик в черной куртке и черных джинсах.

Мальчик. Общество «Путь спасения»? Я из детдома.
Алексей. Да-да. Здравствуй. Я твой «воскресный брат».
Мальчик. Че-то староват ты для брата. Давай ты будешь воскресный батя?
Алексей. Что?
Мальчик. Ба-тя... Это такой отец, только у парней. Но бати еженедельные к нам ходят. А ты одноразовый?
Алексей. Что?
Мальчик. В смысле ты со мной один только раз, только сегодня погуляешь и больше не придешь? Или придешь? Говори сразу!
Алексей. Давай хоть познакомимся для начала. Меня зовут Алексей Иваныч.
Мальчик. А меня Августин.
Алексей (*смеется*). Только что придумал?
Августин. Да пошел ты! На вот, документы. Тут написано и как меня зовут, и инструкция.
Алексей. Какая еще инструкция?
Августин. По применению. Ты утюг купишь и то инструкцию читаешь, а я – человек. Хотя можешь не читать. Так скажу все. У меня одноразовых до хрена было. Там написано, что раз я старше двенадцати, меня надо вести не в развлекательное, в цирк там, зоопарк, а в познавательное. Так что планетарий – это правильно. Что меня надо чаще называть по имени, чтобы я чувствовал, что ты именно ко мне, а не на конвейере. Понял?
Алексей. Ты итальянец что ли?
Августин. С чего?
Алексей. Августин вроде римское имя.
Августин. Я русский... Хотя хэ зэ... Нас учили всегда говорить – русский. Все так говорим, и Наргиз, и Ахмед. (*Смеется.*) Все у нас русские. А то вдруг кто взять захочет. Меня так называли, когда я в детдом поступил. Потому что август был, и тогда песню Леонтьева крутили: «Ах, ты мой милый Августин, все прошло, все прошло». Нормально так? Устраивает? Можно на сегодня поменять, я привык. Уж сто раз меняли. Им неловко меня по имени называть. Вдруг прохожие подумают еще, что я их сын, и они меня сами так долбануто назвали. Если хочешь на день, не парься, говори.
Алексей. Нет, пусть будет как есть. Снимай куртку давай..., Августин.
Августин. (*живо снимает куртку*) Одна тетка называла меня Арсений. Ну капец... Чем Арсений-то лучше? Я стремался. Она целый месяц ко мне ходила. Года два назад. А потом собаку какую-то подобрала во дворе и стала с ней гулять. Вроде как собаку за доброе дело зачла, а меня уже не надо. Даже книжку на прощание подарила про собаку. Я читать не стал. Выкинул.

*Они проходят в просторный зал планетария.
Августин смело бежит вперед, Алексей прибавляет шаг, пытается идти первым.*

Алексей (*бодро*). Ну и болтун же ты, Августин! А я боялся, что буду из тебя слова тянуть.
Августин. Это мелкие молчат, потому что боятся не то ляпнуть, не понравиться. А я уже не боюсь.
Алексей. Потому что взрослый и смелый стал?
Августин. Меня уже не возьмут. Я скоро в фазану поступлю и в общагу перееду. Меня нет смысла брать... Ты че молчишь?.. Забыл как тебя звать...
Алексей. Алексей Иваныч.
Августин. Во-во. Ты че молчишь, Алексей Иваныч? Тебе стремно? Ты не парься, это у всех. Нам объясняли. Это общественная вина. Это у тебя за всех благополучных стрем, что есть такие беспризорные и трудные, как я. Хотя ты не виноват. Если ты, конечно, никого в детдом не сдал... Че молчишь? Сдал?
Алексей. Нет.
Августин. Молоток.
Алексей. Меня сдавали. А потом назад забрали.
Августин. (*с восторгом зависти*) Приемным взяли?
Алексей. Да нет. Мать. Мать отдала, мать и забрала.
Августин. Капец, как тебе круто!
Алексей. Чем круто? Как мне с ней потом было жить после этого?
Августин. Я не знаю. Я со своими не жил... Тебя в детдоме сильно били?
Алексей. Нет. Играли. Бритвой.
Августин. В Буратино?
Алексей. Как это в Буратино?

Августин. Бежишь на встречу, между пальцев лезвие, руку резко выкинешь (*показывает*) и по самому кончику носа ему чирк! Если кровь полилась, то все, он – Буратино. Вся группа на нем шесть дней тренируется. Можно костей из рыбы в ботинки наложить или занозистую досочку. Можно сзади штаны оттянуть и клею налить. Можно комнату страха ночью сделать: накрыть одеялом и каждый должен ударить, но только особенным способом. Все, что хочешь, всем можно, никто не вступится и сдачу давать нельзя. А на седьмой день, судный, он берет бритвочку и выбирает Буратино.

Алексей. Зачем? Это игра?

Августин. Это среди своих, внутри группы. Чтобы тренироваться, всегда быть начеку. Если чужой придет, мы все готовы и выдержать в случае чего, и наехать.

Алексей. А почему именно шесть дней?

Августин. За шесть дней вмятина на носу затягивается. Если у всех рана одновременно, не видно, кто Буратино... А она тебя сдала, потому что ты косячил или жить не на что было?

Алексей. Наверно, не на что.

Августин. И ты не простил?!

Алексей. Ты почему весь в черном? Ты какой-то неформальный что ли?

Августин. Наоборот, формальный. У нас одежду так покупают, чтобы всем подо все подходило. Черное под черное очень подходит. Чтоб неформальным быть, бабосы надо, неформальные от жиру бесятся.

Алексей. Смотри, это телескоп. Его давно придумали. Он устроен как глаз. Знаешь, зрачок в глазу – это просто отверстие, в котором отражается свет от всех предметов. Все что мы видим, – это только отражение.

Августин. Капец... У людей вместо глаз дырки.

Алексей. Ты смешной.

Августин. Мне все говорят: смешной. Только че-то никому оборжаться не хочется. А у тебя есть дети?

Алексей. Сын.

Августин. А че один только?

Алексей. Так сложилось. Рано завел, семью хотел, а потом... Не так просто все.

Августин. Ого. А я вот обязательно заведу. Много. Они меня будут любить. А то че? Чужих что ли из детдома брать?

Алексей. То есть ты бы сам себя не взял?

Августин. Нет. Надо своих любить.

Алексей. А твои родители где? Не говори, если неприятно.

Августин. А че? Мне приятно. Я люблю поговорить. Неприятно, когда обида есть. А я подкинутый. Меня на почтовый ящик у детдома подложили. Как посылку. Кто подложил – не знаю. Так что обижаться не на кого. Спасибо, что август был. Не замерз. А то у нас так уже не одного мертвяка находили. Нянечка принесла как-то в тряпке с улицы новорожденного, на окне оставила, чтоб не оттаял, чтоб гнилым луком не пах, а сама пошла ментов вызывать. Ты знаешь, что мертвяки луком воняют? Я не знал. Мы его развернули, а он серый такой и твердый, в налете каком-то. Как картошка в сухой земле. Глаза закрытые. На нас нянька наорала, отобрала. Я потому и рад, и не стараюсь, что меня Августин зовут. Январем бы не звали, помер бы.

Августин смотрит прямо и радостно, ждет реакции, но Алексей резко поворачивается к экспонатам.

Алексей. ... Смотри, какой странный глобус, с рисунками. Это глобус звездного неба. А внутри этого глобуса мог бы быть наш обычный. Сверху небо, внутри Земля.

Августин. (*с обидой*) Нормально.

Алексей. А вот карта звездного неба. Звездочки круглые, а те, которые с лучиками, это галактики, такие, как наша и намного больше. Галактик миллиарды, звезд больше, чем песчинок во всех пустынях мира.

Августин. А мы где?

Алексей. Вот здесь, в уголке, не видно просто. Вращаемся на своей маленькой планете, вокруг маленькой желтой звездочки Солнца.

Августин. Мы, по ходу дела, тут ниче не решаем.

Алексей. И переместиться нам нельзя, потому что везде мы умрем, только в этой точке, где мы есть, можно жить. Отлететь чуть-чуть и мы задохнемся. А если Солнце погаснет, то вся Земля погибнет за восемь минут.

Августин. Почему восемь?

Алексей. Потому что мы видим Солнце на том месте, где оно было восемь минут назад. К нам информация приходит с опозданием.

Августин. Смотрим дырками на место, где уже ниче нет. Прямо в темноте восемь минут?

Алексей. Почему в темноте? Ты сам на солнце-то часто бываешь? Мы же все с электрическим светом сидим. Вот посидим восемь минут с лампочками, а потом умрем от холода.

Августин. А что ты будешь делать эти восемь минут?

Алексей. Ничего. Какой смысл? Я почти весь день на работе. Если Солнце потухнет, то с большей вероятностью я буду на работе... Что там сделаешь? Кофе выпью. Всем спасибо скажу.

Августин. Или во сне. На сон тоже много времени уходит.

Алексей. Да, во сне тем более. Солнце потухнет, а мы спим. И спим еще восемь минут.

Августин. Тебе че, вообще не страшно умереть?

Алексей. Всем страшно. Но когда я здесь, нет. Смотришь на карты и думаешь, что жизнь – мелочь в сравнении с этим всем. Даже жалеть себя смешно и глупо.

Августин. Че-то, значит, Бог нам не улыбался, когда придумывал все это. Че-то он не за нас по ходу дела...

Алексей. Почему не за нас? За все, просто всего очень много. Не всегда докричишься.

Августин (*проводит рукой по карте*). Но ведь тут видно, что не докричатся никогда.

Алексей. А ты как относишься к Богу?

Августин останавливается и с прищуром смотрит на Алексея.

Извини, пожалуйста. Нельзя задавать такие вопросы.

Августин. Вопросы задавать можно любые. Я хочу, чтобы сейчас он нас не слушал.

Алексей (*растерянно*). Какой ты странный мальчик, Августин. На все готов ответ.

Августин. Просто я уже об этом думал. И решил, что Он есть, только если Он меня не слушает.

Потому что если слушает и все вот так, то лучше я буду думать, что Его нет.

Алексей. Хитро. Ты мне нравишься. Но что это у тебя за пессимизм? Все в мире не так худо устроено, Августин. Зато ты каждый день можешь совершать кругосветное путешествие вокруг земной оси, лежа дома на диване, не сходя с места, потому что Земля непрерывно вращается. Вот погляди на эту модель!

Августин. У меня нет дома. И дивана тоже нет.

Алексей. Ты как специально! Проверяешь, работает ли общественная вина? Я стараюсь же, а ты все портишь! Ты же взрослый уже!

Августин. Зачем ты меня с собой взял? Бабки закончились через дорогу переводить? Или ты всех собак голодных во дворе уже покормил?

Алексей. Что ты говоришь...

Августин. Зачем?

Алексей. Понимаешь, самое страшное не то, что мы (*показывает на карте место, где могла бы быть наша галактика, если бы была видна*) никак не можем повлиять на это (*проводит рукой по всей карте*), что мы бесполезны. А то, что мы здесь одни. Не то, что ценность наша – нуль, а то, что одиночество наше равно бесконечности.

Августин. И че?

Алексей. Я хотел, чтобы ты хотя бы сегодня был не один.

Августин (*громко*). Врешь!

Алексей. Августин, тише. Нас же отсюда так выгонят. Трудно с тобой.

Августин (*тише*). Потому никто и не брал.

Алексей (*улыбается*). А я бы взял.

Августин (*меняется в лице*). Врешь! Нельзя! Ты инструкцию нарушил! Там написано: «Никогда не обещайте ребенку, что возьмете его». Знаешь почему? Потому что не возьмут! А ребенок будет ждать и реветь. Потом у нянечек с нами проблемы. А им наших проблем не надо. Иди ты к своей настоящей матери, к своему настоящему сыну..., как там тебя зовут... Забыл.

Августин бежит к выходу. Алексей остается на месте. Не смотрит ему вслед.

Явление 9

Остановка. Та же цыганка со спящим ребенком. Бомж рядом пьет из пластиковой бутылки яркую, очевидно где-то подобранную, газировку.

Алексей смотрит на них обоих. Подает цыганке в банку несколько монет.

Та небрежно кивает, Алексей презрительно морщится.

Бомж (*смеется*). А ты че думал, она спасибо скажет? Не-не, от них не дождешься. За спасибо бабки у церкви просят. Ромалы думают, мы им должны все по определению. У тебя закурить есть?

Алексей достает две сигареты, обе прикуривает и подает одну бомжу.

Премного благодарен. Если хочется отдачи, то надо при входе в церковь подавать. При выходе нельзя.

Алексей. Почему?

Бомж. При выходе с милостынею отдаешь все, о чем попросил в церкви у Бога. Токма при входе. Хороший ты мужик, гляжу. Может, ты мне еще пару сигареток дашь? Про запас. А то когда еще... Курить чаще хочется, чем встречаются добрые люди.

Алексей отдает ему всю пачку.

Спасибо, мужик! А я как чуял, что хороший сегодня день. И сон снился про собаку, собака-то к другу ж всегда снится...

Алексей (*вздрагивает*). Почему он спит?!

Бомж. Кто?

Алексей делает шаг к цыганке.

Алексей. Почему у тебя ребенок все время спит?!

Цыганка. Отвали.

Алексей. Ты че, его накачала чем-то?! Чтоб работать не мешал? Да? Мешает он тебе? Ах ты, сука!

Он пытается вырвать из рук ребенка, цыганка тянет на себя.

Сверток, не сгибаясь, бревном падает на землю.

Алексей видит лицо ребенка, в шоке шарахается в сторону.

Цыганка хватает сверток и быстро убегает во дворы.

Алексей. У него лицо, как картошка в земле, серое... Он что?.. Мертвый?

Бомж. Тише-тише, мужик!

Алексей хватается за плечи бомжа. Тот, пораженный прикосновением, ведет Алексея вглубь остановки, усаживает.

Бомж. (*суетливо*) Тише, мужик... Эк тебя. Я тут на вечер оставил... Ладно, пей вот.

Достает из кармана полбутылки водки, протягивает Алексею. Тот отталкивает руку.

Алексей. Не надо. Он мертвый? Да?

Бомж. (*просто*) Да он уж, почитай, третий день как мертвый. Они ж долго-то не выдерживают, непривыкшие они ко всякой заразе, которой мамки-то их поют. Вот и помирают быстро. С мертвым-то им сподручнее сидеть. Зимой особенно долго держатся.

Алексей. А что ты не скажешь никому?

Бомж. Так знают все ж. Толку никакого. Они бабы страшные, никто и связываться не хочет, да и крышуют. Как можно с бабой связываться, которая свое мертвое дитя работать заставляет? Такие на все способны. Ты не переживай уж так. Всякое в жизни бывает.

Алексей. Хочешь, я тебе денег дам? Ты голодный?

Бомж. Аттракцион неслышанной щедрости. Не надо, я не по этой части. А за пачку спасибо. Иди куда шел.

Явление 10

Небольшая церквушка. У входа глянцевые плакаты с изображением святых, электрические свечи с помпадурной формой энергосберегающих лампочек – «Свеча на ветру». В глубине несколько настоящих икон, рукописных. Там же восковые желтые свечи горят неколеблящимся белым

светом, не хуже энергосберегающих. Алексей в шапке входит, не решается пройти туда, вглубь, где все и висит, и горит настоящее. Усаживается на лавочку при входе, ждет, что будет. Но ничего не происходит, его даже не замечают продавщица в церковной лавке и пожилая прихожанка, болтающие здесь же, на полосе электрического света.

Прихожанка. Я думаю, уж не Бог ли войну-то нам прислал. (*Крестится и зачем-то трижды сплевывает.*) Внук мой Тиша, это который от дочки, что за хохла вышла да укатила туда. Помнишь, я рассказывала?

Продавщица. Помню, конечно. Вы его так назвали хорошо, по святцам, – Тихон. Мы еще со старухами смеялись, что вырастет из него батюшка с таким именем...

Прихожанка. Так вот он такую бороду лопатой отпустил...

Продавщица. Какую бороду? Ему ж лет двадцать?

Прихожанка. Вот-вот. Я ж даже не знала, что у молодых такая нарасти сможет. Я говорю: «Что ж ты, Тиша, ее хоть ножницами-то не подрубаешь? Так и ходишь, как леший». А он говорит: «Все сейчас так ходят». Мода вроде. Ну и ладно, думаю. Не беда. Зимой тепло, летом – не обгоришь. А тут дочь звонит и говорит, мобилизация у них, во Львове. Парнишек убивать увозят.

Продавщица. Ай, беда...

Прихожанка. Думаю, побреют моего Тишеньку, да застрелят. А дочь говорит: «Не бойсь. Тишка с однокурсниками институт кинули, да в духовную семинарию пошли. Тех, кто в семинарии, воевать не берут». Я Тишу попросила к аппарату. Говорю: «Внучек, ты теперь в Бога уверовал с войной-то этой что ли?» А он: «Да-да, бабушка. Мы тут всей компанией сильно уверовали». А что? Пусть. Я рада.

Продавщица. Не зря по святцам назвали.

Прихожанка. Ага. И в семинариях по их районам теперь перекомплект. Вот и Бог войну прислал, вот и уверовали.

Продавщица. Ой, лишь бы по России не пошло, а то граница недалеко, страшно. Я только ремонт на кухне кончила.

Прихожанка. Да не дай Бог... Мужичок! (*Алексею*) Мужичок, ты чего с покрытой-то головой уселся.

Алексей (*снимает шапку*). Так холодно.

Прихожанка. И чаго холодно!? Ты к Господу нашему в гости пришел. Ты что, когда в гости ходишь, так и сидишь на диване околпаченный?

Алексей. Не хожу я в гости.

Прихожанка. А ты откуда взялся-то? Ты не наш, я всех наших знаю.

Алексей. Да я из города. К матери в гости еду.

Прихожанка. А мать как звать?

Алексей (*раздельно*). Анна Брониславовна.

Прихожанка. Повидать, значит... Она ведь у тебя совсем старуха пади.

Алексей (*раздраженно*). Да.

Прихожанка. И часто вы видитесь?

Алексей. (*раздраженно*). Да.

Прихожанка. Это молодец. А моих вот не дожدهшься. (*С гордостью*) Они за границей ведь у меня живут, в Европе. А сюда ты чего пришел?

Алексей. Меня крестили здесь. Я уже взрослый был. Лет двадцать назад. Не знаете, здесь еще отец был с такой рыжей бородой...

Продавщица. Михаил? Отец Михаил? Краснощекий такой?

Алексей. Да! Да! Он здесь?

Продавщица. Да ты чего! Он уж лет пять как в тюрьме.

Алексей. Как? Ему разве можно?

Продавщица (*хохочет*). В тюрьму-то? В тюрьму-то можно. Туда всем можно. А вот людей убивать нельзя.

Алексей. Он убил кого-то?

Прихожанка. Да сожительницу свою. Бедная женщина.

Алексей. Так у него еще и сожительница?

Прихожанка. Да. Он не со зла. Она просто крикливая и злобливая, прости Господи, была... Нельзя про покойников... А он видно выпимши...

Алексей. Что?

Прихожанка. Да нет! Ты не думай! Он не злоупотреблял. Тут, видать, случай какой был, праздник...

Продавщица. Да день рождения у него был.

Прихожанка. Тем более, грех не выпить. А так он был добрый и скромный. Щеки-то у него от этой самой скромности и краснелись. А тебе он куда?

Алексей. Он крестил меня. И с Соней нас, с женой, венчал.

Прихожанка. Ты затем поди и покрестился, чтоб повенчаться?

Алексей. Да.

Прихожанка. Ну, это не грех. Так все и делают. А жена где?

Алексей. Развелись.

Прихожанка. А это грех страшный. Развелись венчанные...

Алексей. Ну, я ж не убил ее.

Прихожанка. Тьфу-тьфу-тьфу... Плюй, плюй, окаянный. Да не дай...

Алексей. Бог?

Прихожанка. Ну.

Алексей. А кто теперь тут главный?

Продавщица. Отец Федор.

Прихожанка. Ой, и славный какой. Он прогрессивный у нас, молодой. Тебе благословление на дальнюю дорогу к матери?

Алексей (*ухмыляется*). Можно и так сказать. Куда не иду, а все к матери.

Прихожанка. Красиво как сказал!

Двери распахиваются. Поспешно входит молодой и подвижный отец Федор. Близоруко щурится, зажимает под мышкой небольшой кожаный портфель, чтобы освободить руки, на ходу протирает краем ряссы очки.

Продавщица. Батюшка, тут на благословление на дальнюю дорогу к матери.

Отец Федор (*бодрым, чистым голосом*). Да, пройдемте поскорее.

Алексей (*в ужасе*). Нет, не надо мне на дорогу к матери! Мне на исповедь или на причащение... Или что там у вас еще в ассортименте...

Отец Федор (*удивленно останавливается*). Да что с Вами?

Алексей. Ну... я не знаю.

Продавщица (*подсказывает*). Груз с души.

Алексей (*заводится*). Да, мне груз с души нужно снять! Облегчится мне нужно... Не то говорю? Надо слова какие-то специальные? И лет мне много уже, но слов я до сих пор не знаю. И мне стыдно сейчас должно быть, но мне не стыдно! Вы же по этим делам специалист, я – по другим. Мне не должно быть стыдно. Кто по шлакоблокам, кто по душам. Чего вы тогда на меня так уставились? Мне не стыдно!

Продавщица. (*батюшке*) Ой, дурной...

Отец Федор (*весело*). Как Вас зовут?

Алексей. Какая разница? Что здесь всех так имена волнуют. А если меня не по святым звать, Вы меня обсуживать не будете?

Отец Федор. Служить мы будем все и всегда, ибо мы все – слуги божьи. Меня зовут Федор.

Алексей. А меня Алексей Иванович.

Отец Федор. Алексей Иванович, я вижу, что вам худо. Но я очень тороплюсь, на освящение. Очень тороплюсь. Вы можете придти завтра?

Прихожанка. Из города он, специально сюда ехал.

Отец Федор. Я как раз туда, давайте я Вас и довезу, и выслушаю.

Явление 11

Машина, иконки, четки висят на стекле.

За рулем отец Федор в уже переодетой вязанной шапочке, рядом Алексей.

Алексей. Давайте сразу договоримся... по-простому.

Отец Федор (*смеется*). Ради Бога.

Алексей. Я тут решил делать добро (*делает паузу, но отец Федор никак не реагирует*). У меня не получается. Куда ни приду, нигде не нужен.

Отец Федор. Быть не может! Куда ж Вы ходите?

Алексей. В дом престарелых ходил, в детдом, милостыню хотел дать...

Отец Федор (*смеется*). И что же, не берут?

Алексей. Вы прекратите смеяться, батюшка?

Отец Федор. Извините. Вы в такие места ходите, добро делать... Прямо нацеленно... Вы, наверное, сели заранее и список составили, куда податься со своей благодатью?

Алексей. Нет.

Отец Федор. Да не сужу я Вас, просто уточняю. Был список?

Алексей. Был.

Отец Федор. Со списком только после большого зла добро делают...

Алексей молчит. Они едут несколько минут молча. Отец Федор громко и навязчиво начинает насвистывать.

Алексей. Прекратите.

Отец Федор. И Вы. Зачем ехать в такую даль, чтобы потом не сознаться в проступке? Говорите, Алексей Иванович. Все грешны.

Алексей. Я убил человека.

Отец Федор сбрасывает скорость, но не останавливается. Оба смотрят на дорогу.

Отец Федор. Как?

Алексей. Девушка выпала из окна, а пока я бегал, она умерла.

Отец Федор. Но вы пытались помочь?

Алексей. Я не успел.

Отец Федор *(крестится)*. Прости Господи. Я уж подумал... На все воля Божья. Придете на исповедь, я отпущу Вам.

Алексей. Вы не понимаете... Я не хотел помочь...

Отец Федор. Но Вы же пошли за помощью.

Алексей. Но думал... Вернее, не думал, мне было наплевать.

Отец Федор. Во время молитвы сложно удержать мысль на месте, сконцентрироваться. Нет-нет, да отвлечешься на дела мирские. Но Бог прощает это. Главное, что ты молишься, а не что ты думаешь.

Алексей. Носи тело в церковь, а думай, что хочешь.

Отец Федор. А ведь Вы не слушали меня. Часто в церковь ходите?

Алексей. Это у вас такой контрольный вопрос, как выстрел... Нет. Мне не нужно, у меня совесть есть. Совесть за мной следит. Она мой Бог.

Отец Федор. Это гордыня у вас – мать всех грехов. Вы считаете, что на самого себя положиться можете, а на все воля Божья. Человек – сам себе не судья, и не адвокат. Человек всей правды не видит, ибо ослеплен он грехом.

Алексей. Да что это за правда такая, которой совесть – враг?

Отец Федор. Вы знаете, что Бог сначала создал ангелов, а потом уж людей? Так вот среди ангелов самый высший и благодетельный был Денница. Но возгордился он от своей святости и наказал его Бог, сверг с небес.

Алексей. В ад?

Отец Федор. Нет, ада не было. Людей же еще не было, только ангелы.

Алексей. Ну, конечно. Где люди, там, по-вашему, и ад.

Отец Федор. *(спокойно)* Денница обиделся, захотел отмщения и превратился в дьявола. И стал людей искушать, перетягивать на свою сторону, чтобы вовек им не достигнуть главной цели человеческого существования – царствия Божия.

Алексей. То есть смысл жизни вести себя здесь хорошо, чтобы потом попасть в рай?

Отец Федор. Уж если совсем просто, то да.

Алексей. Это ж эгоизм какой-то... А Вы еще говорите, у меня гордыня. Так разве ж это грех? Если смысл каждого на земле – организовать себе жизнь наверху поудобнее? Какое ж добро тогда искренно?

Отец Федор. Так, да не так. А почему Вы сегодня в церковь пошли?

Алексей. Я же говорю. Мне искупить надо. Я сам себе терапию назначил. Добром. У Вас же здесь институт вроде такой официальный, по добру. Вы же знать должны, как это делается. Ведь добро – это по-христиански, это Бог.

Отец Федор. Вот уж нет. Бог – это не добро. Бог – это любовь, а любовь – это что?

Алексей. Это Бог. Я понял.

Отец Федор. Да нет. Что такое любовь?

Алексей. Жажда обладания, батюшка.

Отец Федор. Нет, дорогой Алексей Иванович. Хоть мне и приятна ваша откровенность. Любовь – это жертвенность. Если Вы хотите сделать добро, и чтобы оно принято было, его нужно делать с жертвой. Если Вы лично ничем ради этого добра не пожертвовали, ни в чем поперек себя не пошли, то уж не добро это вовсе, а утоление собственной гордыни.

Алексей. А Вы только добро делаете?

Отец Федор. Стараюсь. Только у меня списка нет.

Алексей. Да? Удивительно! Я вот шел к Вам и так хотел верить, не в Бога, а в Ваш институт добра. В Бога можно не выходя из дома верить. Без капиталовложения в сотрудников РПЦ. Я хотел именно в институт, потому что хочется думать, что и на земле есть за что уцепиться, не только на небе. А мне тут про коллегу Вашего отца Михаила рассказали... Так знаете, по мне, так лучше б и у него был мой список... Вы бы радовались, что человек к Вам тянется, а не укоряли списком...

Отец Федор. Вроде как одолжение лично мне сделали, явились...

Алексей. А почему нет? Вы разве не за каждую душу печься обязаны?

Отец Федор останавливает машину.

Поворачивается к Алексею всем своим могучим телом.

Отец Федор. Раз так Вы ко мне пришли, как в больницу за рецептом, то вот, пожалуйста. Читайте молитву супротив гордыни и самомнения тезке вашему преподобному Алексею, человеку Божьему. Долго читайте, про себя. Пока смысл слов до головы не дойдет. Как дойдет, то читайте вслух. И по списку идите дальше. Если самому не поможет, так, глядишь, людям какая от вас благодать случайно перепадет. Как все сделаете, жду на исповедь. А сейчас выходите из моей машины!

Алексей. Значит, транспортные перевозки в ваш преискурант не входят?

Отец Федор. Хватит ерничать! Вылезай!

Алексей. Я тут даже попутку не поймаю. Глушь какая-то.

Отец Федор. А ты пешком иди. Это полезно. Отрезвляет.

Алексей выходит на трассу, машина быстро уезжает.

Он сворачивает с обочины к полю, где снег не по-весеннему крепкий.

Так и идет, пока не пугается, что дорога скроется из виду и он заблудится. Останавливается, выворачивает карманы, вытряхивает весь мусор, мелкие крошки, какие-то обрывки. Растирает руки и лицо снегом. Снимает шапку.

Алексей. Ну что? Давай поговорим?.. Самое время. Я, как дурак, стою тут в одной из твоих галактик, на видном месте. Молнией кидать удобно... Слова какие-то надо сказать... Небеси... данную твоей свыше благодатью... Призри... Боза... Прости согрешения наши вольные и невольные... Машина прошла... Показалось... Не посрами упования нашего... Милость... Благодать... Боза... Боза была уже вроде... Во спасение... Так... Воззри на нас милостиво. Да... К тебе взываю. Как-то так... и твое святое заступление, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Все. Больше не знаю. Не знаю и не верю, что ты так разговариваешь. Это тут Михаилы да Федоры за тебя придумали... Бог с ними. Ты с ними. Или не с ними... Со всеми... Что ж делать-то? Что? Полжизни прошло, если повезет... Если ты там разрешишь, а если нет, то и вся может... Куда же ты ведешь всех? Как ты разрешил им такими стать? И мне. Мне – это главное. Не могу больше, Господи... Не в кого верить, некому... А сам я не справлюсь. Для чего ты вину на голову мою кинул с четвертого этажа? Для чего? Чтобы я понял, что бессмысленный и ненужный? Что все будет как есть во веки веков, глупость и путаница? Я и так знал это, Господи. Не надо было девочку расшибать... Не надо...

Если сейчас пойдет снег, то я все делал и понял правильно.

Алексей поднимает голову. Снега нет.

ТЬфу... Совсем уже... Так и знал... Поговорил в поле с Богом... Нет ничего. Все неважно, все пустота...

Пауза.

Надеюсь, ты меня сейчас не слушаешь... На всякий случай.

И он идет назад к дороге.

Явление 12

Кладбище. Алексей сидит на оградке, Соня кладет большой букет мимоз к новому блестящему памятнику, сыплет вокруг шиено.

Соня. Ну, с международным женским днем, Анна Брониславовна! Ещё месяц и Пасха. Вот цветочки тебе желтенькие, пушистые принесли, как платьишко твое из ангорки. Как оно тебе шло! Брюнеткам желтый лучше всего. Помнишь, Алеша, какие у нее были волосы? До самой старости как воронье крылышко, ни сединки... Как тебе памятник новый, красавица наша?

Она делает шаг вперед, обнимает памятник обеими руками, как человека.

Алеша, что ты молчишь? Посмотри на маму. Я молодую фотографию выбрала. Я ее такой не знала, конечно, а ты, наверное, помнишь. Не молчи.

Алексей. Такая странная привычка обнимать памятники. Покойный же в них не замурован, он же под ногами. Стоишь на человеке, обнимаешь гранит.

Соня. Не о том говоришь.

Алексей. Знаешь, что она мне последнее перед смертью сказала? Жалко, говорит, умру, так и не узнаю, чем «Кармелита» закончилась.

Соня. Ну, что ты хотел от больного человека...

Алексей. Ничего. Я ничего от нее не хотел. Это она все хотела, хотела... Всю жизнь прометалась. Телевизор больше соседского, платья по вешалкам, туфли по полкам. Первый муж, второй, третий лучше второго, хуже первого. Сын заботливый, настоящий, непьющий. Все было, Соня! Все. И сын я был настоящий, заботливый, непьющий. Что ты прицепилась ко мне?! Поговорить мне с ней? Порыдать? Пожалуйста! Мама, я досмотрел за тебя «Кармелиту». Рассказать, чем закончилось? Я не помню! Честное слово! Ты умерла, мне кровь глаза застила. Не водка! Нельзя, нельзя пить! Настоящий, заботливый, не пьющий. До конца и за концом. Только кровь, темные пятна сосудиками в глазах. Общая наша кровь с тобой. А ты последние слова потратила на то, что даже запомнить-то нельзя.

Соня. Я тебя ради Бога прошу – прости. Прости ты ее, старую, больную. Она же полгода перед смертью по утрам плакала, что проснулась, что ночью смерть не забрала и день еще обузой жить надо. Прости.

Алексей садится спиной к памятнику.

Алексей. *(спокойно)* Простить невозможно, даже если сам хочешь, даже если умоляешь об этом себя, Бога... всех. Прости, прости, прости. Прости. Тысячу раз. Я должен дважды уступить. Первый раз пережить обиду, второй раз пережить отсутствие мщения. Любого, ни слова в упрек, ни поступка.

Соня. Щеку вторую подставить – это по-христиански.

Алексей. Подставить – да. Но бить?! Бить по второй щеке... Дело даже не в том, что предавший – предатель... Каждый день ложиться и вставать с мыслью: «Не верь никому, даже матери»... В первую очередь матери... Дело в том, что ей не надо было моего прощения. Ей надо было «Кармелиту» досмотреть. Понимаешь?

Соня садится рядом на оградку, заглядывает в лицо.

Соня. Алеша, смерть все долги списывает.

Алексей. Потому что долги больше выставить некому?

Соня. Потому что твоя мама уже была на страшном суде. И там все долги ее посчитаны.

Алексей. А если суда там нет? Ведь здесь нет ничего? Никому не воздается по заслугам. Так с чего ты взяла, что там – есть?

Соня. Дай мне руку.

Алексей. Зачем?

Соня. Я скучаю по тебе.

Алексей встает, не смотрит на нее.

Ты скучаешь по мне?

Алексей. Тебе не понравится ответ.

Соня. Дай мне руку.

Алексей. Смысла нет. Ни в чем.

Соня. Есть. Смысл в том, чтобы помогать друг другу.

Алексей подходит к Соне со спины, крепко берет ее за плечи и говорит в затылок.

Алексей. Я позову на помощь или попрошу хлеба, неважно. Меня не станут слушать. Только если я не закричу: пожар! Вот на пожар сбегутся все. Потому что перед огнем все едины, как перед Богом. Помочь можно только тому, кого считаешь равным себе. Все остальное – искупление грехов. Мне батюшка один сказал, и бомж... И сам я понял. А мы все сделали, чтобы не было равных нам. Чтобы самим решать, кто достоин нашей помощи, а кто – прочь... Нас некому сравнить. Не явится мессия. Мы пропустили свой шанс, и остается только топтать землю, покупать хлеб, завидовать богатым, кормить бездомных собак для очистки совести и ждать пожара. И очень надеяться, что ни мы, ни нас никто не попросит о помощи, не встревожит ... Ты слушаешь меня? Пожар! Пожар! Я даже сгореть готов!

Соня закрывает лицо руками.

Соня. Какой ты старый, Алеша. Старый и глупый. Ничего не понял.

Эпилог

Алексей и Соня медленно бредут по двору-колодцу, обходя лужи. У мусорных баков, напротив подъезда, почти озеро. Приходится идти как канатоходцы, по бордюру. Соня отстает. Девушка вытаскивает почти новые двухметровые доски из мусорного бака. Пытается взвалить их себе на плечо и оттащить от мусорки. Алексей замирает напротив нее.

Алексей. Ты? Ты живая?

Девушка. Обознались.

Алексей. Да что ты говоришь? Я твое лицо в жизни не забуду!

Девушка. Мужчина, Вы что-то путаете.

Алексей. Перепутаешь тебя. Это ты упала здесь с четвертого этажа. Как тебя зовут?

Девушка. Мужчина, Вы с ума сошли что ли? Отстаньте!

Алексей. Ты не помнишь меня? Это от шока, наверное. Мы еще говорили про НЛЮ, на тебе были трусы, ты курила.

Девушка (*пытается уйти, оставив доски*). Больной...

Алексей. Подожди! Как тебя зовут? Я знаю, как мучился, я столько из-за тебя всякого бреда наделал! Как тебя зовут?

Девушка. Отстань от меня! Навязался!

Алексей. Как тебя зовут?

Девушка. Отвали, руки убери! Не трогай меня!

Алексей. Я отпущу! Скажи, как тебя зовут!

Девушка. Балин... Мария Магдалена! Понял? Придурок!

Алексей (*в спину уходящей*). Сама ты дура! Пьяная была, наверно, вот и забыла все!

Девушка (*оборачивается*). Какая нафиг пьяная? Я беременная! Слепой что ли!?

Она разводит в стороны руки и Алексей видит как пальто обтянуло круглый живот.

Соня. Алеша...

Алексей (*продолжает смотреть в спину уходящей*). Ничего я не понимаю...

Соня. Алеша... Пожар...

Алексей. Ох, отстань, Соня. Тут ребусы такие, что...

Он оглядывается и видит как Соня, схватившись рукой за сердце, роняет в лужу-озеро сумку и сама уже обеими ногами ступает туда же. Он бежит к ней, так же, шагая по воде, ведет ее за обе руки к скамейке у подъезда.

Алексей. Таблетка? Есть таблетка? Покажи рукой, где!

Достает из ее кармана таблетку, распечатывает сам, засовывает ей в рот, судорожно гладит, по голове, плечам, сумке.

Сонька, ну что же ты... Ты так неожиданно. Я испугался! Я не знал даже, что у тебя сердце...

Соня (*шепотом, сквозь зажатую под языком таблетку*). Есть?

Алексей (*смеется, обнимает ее*). Конечно, есть. Его у меня нет. А у тебя всегда было.

Они сидят несколько минут молча. Потом Соня вздыхает, таблетка закончилась.

Соня. (*медленно*) Спасибо тебе. Сообразил, что делать. А я боюсь таких ситуаций, не знаю, как человеку помочь. Одна ходить по улице боюсь. Вдруг упаду, а никто не поднимет? И «скорая»... Она так долго едет. Ходить одной нельзя.

Алексей. Это я со страху. Просто до меня не сразу доходит. Помнишь, когда матери не стало? Я пришел с работы. Сижу, гороховый суп ем. А ты мне и говоришь. Помнишь, что я ответил?

Соня. Не помню.

Алексей. Еще добавки попросил. Когда страшно, не сразу понимаешь... Я ее очень любил.

Соня. Я знаю.

Алексей растерянно пинает снег. Соня улыбается, смотрит на него.

Чего ты погнался за этой девочкой?

Алексей. Я был уверен, что мы с ней виделись совсем недавно. А она говорит – нет. Первый раз вижу.

Соня. Может, тебе приснилось?

Алексей. Как может присниться настоящий, существующий человек, которого ты раньше ни разу не видел?

Соня. А я читала про это. Нам всегда снятся знакомые лица, мозг не может придумать сам во сне новое лицо. Поэтому когда снятся незнакомые, на самом деле ты их уже видел в метро, или вот здесь у себя во дворе, у баков, но тебе кажется, что не запомнил их. Она ж соседка твоя. Вот и отложилось.

Алексей. Надо же... Значит, все неправда.

Соня. Наоборот, все правда.

Занавес

Екатеринбург
март, 2015 г.

Ульяна Гицарева
madam-rose@yandex.ru
www.facebook.com/UlyanaGicareva
89222163865